

* 6 МАЯ 1969

ЛЕНИНГРАДСКИЙ театр юного зрителя достигший сезона не планирует, гарантий для успеха не ищет. Он против расчета, надежного рассудка и предрассудков. Против обывательского гонения на «рыжих» и призывов к покойной жизни. Он за доверчивый ум, веселый смех и серьезную цель.

Но театр для всех возрастов, каким считает себя Ленинградский театр, не ограничивается эмоциями и молодым энтузиазмом. Профессионализм театра — особое, сразу ощущаемое чутким зрителем свойство. В его постановках нет непродуманного, самодельного. Все выверено и предусмотрено — композиция фигур на сцене, костюмы, свет, оформление, технические эффекты и выходы актеров на аплодисменты. Здесь нет драматургии в классическом смысле слова. Но театр, может быть, потому и сохраняет свою независимость, свое профессиональное лицо, что допускает на подмостки поэзию, музыку, кино, цирк, эстраду. Театр не пытается синтетически в себе это совместить, не заимствует, перерабатывает, пародирует самые принципы мышления, выработанные в других сферах искусства.

Цирк. Что кроется за его клоунадой, фокусами, акробатическими прыжками и забавными выходами дрессированных животных? Что это — искусство, спорт, арлеин? Идея парка — показать могущество человека. Крепость его тела, ума, духа. Человек — царь природы. Клоунада лишь оттеняет парос этой мысли. Молодежь театра, которая показывает веселое представление «Наш цирк», талантливо обыгрывает классическую серьезность этого древнего, как балет, искусства.

Дрессировщика в объятиях льва. Застывшая напряженная улыбка. Две японские дрессировщицы насекомых. Внимательные невидящие глаза гипнотизируют

НИ СТРОЧКИ ВЫМЫСЛА...

воображаемую мушку. Средоточенные, почти отрешенные лица. Много выдумки в спектакле «Дружба победила» и «Нет тебя прекрасней», в выступлениях инспекторов мэнэжа — всего не упомянешь.

Так что театр лукавит немало, когда пытается выдать свое представление за шутку, за студенческий «капустник». Так же, как лукавит, когда спектакль о лейтенанте Шмидте (В. Долгий «После казни прошу...») называет документальным повествованием. «Только документы: ни одного выдуманного слова. Вы узнаете, как жил, страдал, любил, о чем думал лейтенант Петр Петрович Шмидт. Узнаете от него самого, из его писем. Узнаете, как в яростные дни 1905 года зрел конфликт народа и власти. Сегодня мы не играем пьесу, а просто рассказываем о прекрасном человеке и его времени. Рассказываем документами. Ни строчки вымысла», — обещает театр. И это правда. Вместе с тем в романтической трактовке образа Шмидта столько же от документов, сколько от воображения режиссера.

Приходилось даже слышать упрек театру в сентиментальности. Нет более несправедливого упрека. Строгие, скупые изобразительные средства, четкая пластика движений, безукоризненный дуэт Г. Тараторкина и Л. Шурановой, в котором за высказанными словами еще больше невысказанных — в этом нет ничего чрезмерного. Спектакль живет «ощущением, цветом». Его декоративность имеет то же смысловое значение, что и

документы. И если есть в чем его упрекнуть, то скорее в излишней карикатурности — там, где на сцене появляется Николай П. И эта маленькая брешь позволяет нам многое понять. Для Ленинградского театра сегодня важна проблема идеала. Она поглощает его целиком, не оставляя пока места суровому анализу. Однако сознание, идеала одно, только и может дать смысл и крепость анализу и критике. Стремление театра вернуть суд над действительностью с точки зрения идеала вполне понятно.

Возвышенное и комическое идут в театре рука об руку. «Физики-атомщики, герои великих строев, суровые юноши и прекрасные девушки с геологическими наклонностями, а также морские волки, летчики-испытатели, десятиклассники, сомлевшие от сомнений, сегодня не прилетели. Сегодня их рейсы проходят мимо нашего с вами театра», — объявляет шут дядя Шура из пьесы Р. Погодина «Трень-брень» (артист Н. Иванов). Но ведь у Р. Погодина шут особенный, интеллектуальный. В спектакле же это просто комик. Он не владеет театром, поэтому история, которую он рассказывает, теряет философскую глубину, остается обыкновенной историей про рыжую девчонку (артистка О. Волкова), которая очень хочет, чтобы про нее думали хорошо, чтобы ей верили.

Эта тема сама по себе тоже важна. «Я читаю ваши письма, стараясь относиться без предубеждения», — пишет Зинаида Ивановна Шмидту. «Я пишу вам без

оглядки, пишу попросту, потому что мне хорошо говорить с вами», — отвечает ей Шмидт. Людское участие — щедрый дар. Но в спектакле «После казни прошу...» тема доверия сразу же заявлена вместе с другой темой — темой революции. Может быть все: «молодость, здоровье, талант, взаимное доверие и даже нежность друг к другу. А счастья — нет. Даже нет любви к жизни. Нет импульса, побуждающего работать и любить жизнь. А все оттого, что нет цели, нет великой, возвышающей цели... Кажется, только русские умеют так лениво присутствовать при своем жизненном процессе, но зато только русские умеют жить и широко и вглубь, если они пробудились к жизни!» — пишет Шмидт своей «киевской корреспондентке».

Обе темы — доверия и революции — заявлены не декларативно, а всем художественным строем спектакля. Это голубой и красный цвета, заливающие сцену. Это мягкий стелющийся звук арфы и горный звук трубы. Начинается спектакль прекрасной нотой. Спокойно, не спеша выходят трубач и арфистка. Чуть позже, лишь отзвучит арфа, растает ее последний звук, появятся одна за другой энергичные, сосредоточенные фигуры в черном, лица от автора, займут положенные им места на сцене.

В конце спектакля, когда растает в темноте бледное лицо Шмидта, а потом рассеется мгла, актеры вновь так же торжественно, без суеты займут на сцене свои места. И московские зрители, не выдержав какое-то мгновение торжественности минуты, взорвутся аплодисментами, отдавая должное чистому, светлому, гармоничному спектаклю, в котором почти ни один звук не дал диссонанса.

И. ЛОГИНОВ.